

Как-то, в конце октября 1986-го года, я возвращался со службы в Советской Армии. Ехал из Калининграда через Москву во Владимир. А если точнее - то даже не из Калининграда, а из местечка под городом Советском (бывш. Тильзит), где стояла наша ракетная часть. Прямо в болоте и стояла. Собственно, за 2 года службы я кроме этого болота почти ничего и не видел. Ну и ракеты еще. Старые такие, СС-4.

Короче, вывезли нас, дембелей, в большой город Калининград, прямо на вокзал, наказали с вокзала не высовываться, я сел в поезд до Москвы и поехал. Без особых приключений. В Москве сел на электричку. А чтобы не было совсем скучно купил себе папирос. Вообще-то я не курю, и не курил, но тут что-то захотелось. Я представил, как едет солдат из армии на поезде, и понял, что солдат обязательно должен смолить папиросы. Вот я и купил Беломорканал.

РЖД тогда еще не существовало (были, были такие времена!), поэтому электричка была самая что ни на есть народная. То есть все курили в тамбуре. Причем много. Дым стоял стеной. Собственно, чтобы не нервничать перед близкой встречей с родным городом я решил курить всю дорогу. Так и стоял, люди заходили, выходили, что-то говорили, а я слушал, отвечал, так время и пробежало.

Однажды, по-моему, где-то у Орехова-Зуево в тамбур вышли два немолодых уже человека. Увидев солдата в форме (а я ехал в шинели, шапке, в полном обмундировании, как положено), они завели разговор об армии и потом переключились на войну. Оказалось - они оба воевали, фронтовики. Особенно заинтересовал меня рассказ о том, как один из моих новых знакомых, будучи лейтенантом воевал на территории Германии. Он довольно живо рассказывал, как их подразделение поселили в доме какого-то немецкого зажиточного фермера. Там было хорошо и спокойно. И сытно. А у фермера было две дочки. И вот, рассказывает, бывший лейтенант, наш командир, капитан, спал с красивой дочкой, а мне, лейтенанту, досталась некрасивая. Причем, отец-фермер вроде как сам все это предложил, то есть был не то чтобы не против - а даже и "за". И девушки, видимо, тоже были "за". Или вид такой делали. Сейчас уж не узнаешь.

Рассказывал об этом мой собеседник весело, с юмором, шутливо обижаясь на своего командира за то, что тому досталась красивая. А ему нет. Я, к сожалению, был полон своих собственных никчемных переживаний, и почти ничего не запомнил из тех рассказов. Но мне очень нравилось стоять в прокуренном тамбуре, с подслеповатой лампочкой, пробивающейся сквозь сизый дым, в несущейся в ночь электричке, и на

Возвращение домой

Автор: Роман Евстифеев
07.07.2013 16:21 -

равных, на родном русском свободном языке, разговаривать с героями, с настоящими героями, спасшими мою Родину. Я даже не помню, пили ли мы что тогда, скорее всего нет, мы просто курили и разговаривали, курили и разговаривали. Я не думал почти ни о чем, например о том, что происходило там, на чужой земле, в чужих домах, кто был прав и виноват. Мне казалось, я тогда имел такое право - не думать об этом. Мне просто было хорошо с ними, с незнакомыми людьми, легко и просто рассказывавшими о нелегком военном времени.

Они выходили на какой-то станции раньше меня, я дал им немного оставшихся у меня папирос, мы пожали друг другу руки, пожелали удачи, и они вышли в черный проем открывшейся двери остановившейся электрички и исчезли в темноте. Навсегда.

А я почему-то запомнил эту встречу на всю жизнь.

.